

ПОНИМАНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ VI–X вв.

Костогрызова Любовь Юрьевна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-7100-8497, e-mail: klyu001@usla.ru.

Восточная Римская империя (Византия) просуществовала до 1453 г. Основным источником права на протяжении всей ее истории был Corpus Juris Civilis – Свод гражданского права, составленный при императоре Юстиниане в VI в. Хотя этот документ традиционно не без основания считается главной систематизацией классического римского права, многое в нем относится к реалиям именно восточной части империи. Юстиниан в разных частях свода дал разное толкование того, что понимается под словом «право». Позднее, в VIII–IX вв., в многочисленных выборках и извлечениях из Corpus Juris Civilis византийские императоры не задавались вопросом, что такое право, так как составленные ими сборники законов преследовали практические цели. Тем не менее анализ законодательных актов Византии показывает, что и Юстиниан, и последующие императоры различали позитивное и естественное право. Особенно четко об этом говорится в Исагоге (Эпанагоге) в IX в. и повторяется в последней официальной кодификации, проведенной Львом VI. Позитивное право в указанных актах обозначалось термином «νόμος» (закон), а естественное – «δικαιοσύνη» (справедливость). И главная мысль, отраженная в этих документах, состоит в том, что задача законодателя – стремиться к тому, чтобы позитивное право совпадало с естественным, так как право = справедливость.

Ключевые слова: византийское право, римское право, правопонимание, Corpus Juris Civilis, Эклога, Исагога (Эпанагога), Василики, Алфавитная синтагма Матфея Властаря, симфония церковной и светской властей

Для цитирования: Костогрызова Л. Ю. Понимание и толкование права в законодательстве Восточной Римской империи VI–X вв. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 70–80. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_70.

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF LAW IN THE LEGISLATION OF THE EASTERN ROMAN EMPIRE OF THE VI–X c.

Kostogryzova Lyubov

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of juridical sciences, ORCID: 0000-0001-7100-8497, e-mail: klyu001@usla.ru.

The main source of law throughout history of Byzantium was the Corpus Juris Civilis, the Code of Civil Law, compiled under the Emperor Justinian in the VI c. Although this document is traditionally regarded as the most important systematisation of classical Roman law, much of it relates to the realities of the eastern part of the Empire. Justinian gave different interpretations of what was meant by the word «law» in different parts of the code. Later, in the VIII and IX c., the Byzantine emperors, in numerous selections and extracts from the Corpus Juris Civilis, did not ask what law was, since their laws had practical purposes. Nevertheless, an analysis of Byzantine legislative acts shows that both Justinian and subsequent emperors distinguished between positive law and natural law. This is particularly clear in the Isagoge (Epanagoge) of the IX c. and is repeated in the last official codification carried out by Leo VI. Positive law was referred to in these documents by the term νόμος (law) and natural law by δικαιοσύνη (justice).

And the main idea reflected in these documents is that the task of the legislator is to strive to bring positive law into harmony with natural law, since law = justice.

Key words: Byzantine law, Roman law, understanding of law, Corpus Juris Civilis, Ecloga, Isagoge (Epanagoge), Basilics, Alphabetic syntagma of Matthew Vlastar, symphony of church and state authorities

*For citation: Kostogryzova L. (2023) Understanding and interpretation of law in the legislation of the Eastern Roman Empire of the VI–X c. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 70–80, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_70.*

В современном мире слово «право» многозначно. Под этим термином понимается и система регулирования общественных отношений – позитивное право, которое включает нормативные правовые акты, установленные в том или ином государстве. Им обозначается и так называемая высшая справедливость. Этим словом обозначается и возможность лица сделать что-либо и т. д. Это касается не только русского, но и других языков. Слово «law» в английском языке означает и право, и закономерность, и закон. Испанское «derecho» также имеет много значений (право, свобода, закон), как и немецкое «Recht» (право, закон, правда). Не вдаваясь в объяснения понятия «право», остановимся на понимании права в Восточной Римской империи. Было ли там какое-либо разделение «права»? Какими терминами обозначалось в Византии слово «право»? Были ли это разные термины или один и тот же термин имел разные значения? Каким образом это отражалось в законодательстве? Менялось ли значение используемых терминов и понятий на протяжении VI–X вв. в Восточной Римской империи? Попытаемся разобраться.

Основными источниками исследования стали опубликованные законодательные документы, действовавшие в Византии. Обыденное правосознание является объектом юридической антропологии и материалом для отдельной статьи¹. Пониманию права философами должное внимание в своем фундаментальном труде уделил В. Е. Вальденберг, соглашаясь с ним, отметим, что «законодательные определения нужно сравнивать с законодательными же определениями, а не с практикой, где отступления от закона неизбежны»².

Ученые-византилисты свое внимание в основном обращали на реконструкцию жизни в Византии. Даже если они издавали и изучали источники права Восточной Римской империи, то не выясняли, что такое право. Между тем проблема понимания права: его сущности и его как инструмента, применяемого для разрешения юридических споров, – была актуальна для ромеев. Так, Е. В. Сильвестрова, говоря о том, что уже во второй половине IV в. римское общество осознало потребность преодоления состояния хаоса и крайней неопределенности, в котором находилось право, ссылается на анонимное сочинение того времени «De rebus bellicis», в котором говорится о необходимости очистить право от противоречий и обеспечить определенность правовых норм³. Неопределенность применяемого права была связана среди прочего с отсутствием иерархии источников позитивного права. Император Феодосий II в начале Кодекса, изданного по его распоряжению в 438 г., подчеркивал, что текст должен содержать нормы только действующего права, что исключит неоднозначность их толкования. Во вводящей кодекс в действие новелле говорится, что благодаря проведенной систематизации достигнута определенность права и ясность правовых норм⁴. Хотя понятие «право» в тексте Кодекса Феодосия отсутствует, с учетом перечисленных в первой книге действующих правовых норм очевидно, что речь в нем идет исключительно о позитивном праве. Так, в первом титуле говорится о конституциях принцепса и эдиктах (de constitutionibus principum et edictis), во втором – о различ-

¹ Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 81–99.

² Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 210–211.

³ Сильвестрова Е. В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. М.: Индрик, 2007. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 18–19.

ных рескриптах (*de diversis rescriptis*), в третьем – о мандатах принципсов (*de mandatis principum*), в четвертом – об ответах знатоков права (*de responsis prudentum*)¹. Отсутствие упоминания других источников права можно объяснить как усилением власти императора, конституции которого постепенно вытесняли остальные регуляторы, так и стремлением положить конец сумятице в судах, происходившей вследствие неясности в отношении объема действия императорских конституций и сомнений в текстуальной достоверности находившихся в обращении эдиктов².

Императору Юстиниану спустя 100 лет после выхода Кодекса Феодосия вновь понадобилось преодолевать возникшие несогласованности в праве. Эту же миссию брали на себя в 726 г. составители Эклоги³. Наконец, в IX в. Лев VI, выполняя «программу» «очищения древних законов» при создании *Василик* (*τα βασιλικά νομίνα*) – Царских законов, – также предполагал устранить противоречия и несогласованности в нормативно-правовом материале⁴. Иными словами, все масштабные систематизации законодательства, проводимые в Восточной Римской империи, преследовали цель упорядочить и согласовать действующие нормы позитивного права. При этом, систематизируя нормы материального права, императоры в своих законодательных сводах не забывали и об объяснении того, что есть право, его сущности. Предпринятый нами анализ упомянутых документов позволит расставить все точки над «i» в этом вопросе.

Фундаментальный труд, прославивший императора Юстиниана на века, – *Corpus Juris Civilis* – включает несколько частей, которые вступили в силу не одновременно. Так, 7 апреля 529 г. был обнародован Кодекс, включавший в себя конституции принципсов с I по VI в.; 21 ноября 533 г. предполагаемому учебнику для желающих изучать римское право – *Институциям* – Юстиниан придал статус императорской конституции, т. е. действующего закона; 16 декабря 533 г. было завершено составление *Дигест* – сборника изречений выдающихся римских юристов, в связи с чем в 534 г. вышло второе издание Кодекса. Третьего издания Кодекса Юстиниан не предполагал, с 535 по 565 г. им было создано 153 *Новеллы*, которые при жизни императора не составили отдельный сборник, воедино были собраны позже и, как правило, включаются в *Свод гражданского права*.

В вышеназванных частях *Corpus Juris Civilis* содержится несколько понятий права. Это объяснимо, поскольку сами сборники с вошедшими в них нормами преследовали разную цель. Так, в *Дигестах* важно было показать, что именно юристы считают правом, отсюда разные точки зрения и разные интерпретации понятия «право», в *Институциях* требовалась четкость определения, чтобы люди изучающие право, понимали и могли объяснить его суть. В Кодексе, содержащем конституции принципсов, главным, на наш взгляд, являлось подчеркивание преемственности и обозначение представления о праве через упоминание его источников, особенностей так называемого «древнего права» и противопоставления права и факта⁵.

Приводя в *Дигестах* определения права авторитетных юристов, их составители пытались избежать противоречий. По словам Ульпиана, «право (*ius*) получило свое название от [слова] „справедливость“ (*iustitia*), ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство доброго и справедливого (*ius est ars boni et aequi*)»⁶. Кроме этого определения права здесь дается толкование Ульпиана также через представление о справедливости (*iustitia*): «*Iustitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi*⁷. 1. Предписания права суть следующие: жить чест-

¹ *Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus*. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

² Колтев А. В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *Древнее право*. 1996. № 1. С. 247–261. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261957599> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.

⁴ Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики» // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. № 4 (10). С. 7–21.

⁵ *Codex Justiniani Tit. 1, 14–18* // *Codex Justinianus, recensuit P. Krueger*. Berolini: apud Weidmannos, 1877. 1279 s. *The Roman Law Library* (Last Update: January 25, 2015). URL: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).

⁶ D.1.1.1 // *Дигесты Юстиниана*. Т. I. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. С. 82–83.

⁷ Перевод: «Правосудие есть неизменная и постоянная воля представлять каждому его право». D.1.1.10. Латинский текст привожу специально, чтобы показать, что в *Институциях* использован он же, хотя перевод в русском издании дан другой. – Л. К.

но, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит. 2. Юриспруденция (познание права. – Л. К.) есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом¹. Наконец, составители Дигест приводят собранные воедино юристом Павлом разные толкования слова «право»: «Во-первых, „право“ означает то, что всегда является справедливым и добрым, – каково естественное право. В другом смысле „право“ – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве, – каково гражданское право. Не менее правильно в нашем государстве правом называется *ius honorarium*». Также «правом» называется решение, выносимое претором, и место, где происходит суд².

Что касается Институций, то их первая книга также названа: «*De iustitia et iure*» – «О справедливости и праве». При этом в начале приводится цитата Ульпиана из Дигест: «*Justitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribunes*»³. Поскольку Институции предназначались «юношеству, любящему законы», в первую очередь для того, чтобы они «имели возможность изучить элементы права», дается определение юриспруденции, т. е. науки права (*iuris prudentia*), которая «есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом». «Предписания права суть следующие: честно жить, другому не вредить, воздавать каждому свое»⁴. В Институциях нет различных понятий права, чтобы внимание будущих юристов «не отвлекалось ничем бесполезным и превратным, а остановилось бы на том, что составляет сущность вещей»⁵.

Пояснив, что означает право, Юстиниан уделяет внимание его источникам. В Дигестах подробно говорится о происхождении гражданского (по сути, позитивного) права, называются все этапы его становления и все источники⁶. Что касается естественного права, то его происхождение неясно. «Естественное право – это то, которому природа научила все живое, ибо это право, которое присуще не только человеческому роду, но и всем животным...[которые] обладают знанием этого права»⁷. Повторяя это в начале Институций, их авторы обозначают происхождение естественного права так: «Естественные права... которые установлены как бы божьим промыслом (*divina quadam providentia constituta*), остаются всегда постоянными и неизменными»⁸. Итак, естественное право имеет божественное происхождение, что не вызывает никаких споров, так как для будущих юристов это неважно. Надо сказать, что краткость и четкость Институций показывает, что Юстиниан, продумывая их создание, действовал прежде всего в интересах граждан с целью большего понимания законов и лучшего использования законов в судах.

Гражданское право, «которое каждый народ установил для себя» (D.1.1.9), «как право, свойственное обществу граждан» (I.1.2.1), состоящее из «писанного и неписанного» (D.1.1.6), происходит, согласно Дигестам, «из законов, плебисцитов, сенатус-консультов, декретов принцепсов, мнений мудрецов» (D.1.1.7); Институции к этому списку добавляют эдикты магистратов и ответы юристов (I.1.2.3). Также источником права является обычай. По Дигестам, «долго применявшийся обычай следует соблюдать как право и закон» (*pro iure et lege*) (D.1.3.33). Институции указывают, что «продолжительные обычаи, одобренные соглашениями руководствовавшихся ими, приравниваются к законам» (*legem imitantur*) (I.1.2.9).

В Дигестах довольно большой раздел посвящен юридической технике, точнее, правилам формирования и толкования законов⁹. Важно отметить, что законы должны

¹ D.1.1.10 // Дигесты Юстиниана. Т. I. Кн. I–IV. С. 86–87.

² D.1.1.11 // Там же. С. 86–87.

³ D.1.1.10; I.1. Правда, перевод в этом издании Институций другой: «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое». Обращаю внимание на перевод слова *justitia*: «правосудие» и «справедливость». На наш взгляд, речь идет о справедливости, так как в заглавие титула тоже вынесено слово «*Justitia*». См.: Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. С. 14–15.

⁴ I.1.1.1–10 // Институции Юстиниана. С. 12–15.

⁵ Институции Юстиниана. С. 12–13.

⁶ D.1.2; D.1.3 // Дигесты Юстиниана. Т. I. С. 83–117.

⁷ D.1.1.1 // Там же. С. 82–83.

⁸ I.1.2.11 // Институции Юстиниана. С. 20–21.

⁹ D.1.3.1–25 // Дигесты Юстиниана. Т. I. С. 107–113.

охватывать только часто встречающиеся случаи (D.1.3.3), не должны быть установлены «вопреки смыслу права» – *contra rationem iuris* (D.1.3.14–15), не должны быть двусмысленными (D.1.3.19), так как «поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» (D.1.3.29). При толковании закона должна сохраняться его воля (*voluntas legis*) (D.1.3.18–19), нельзя выносить решения, руководствуясь лишь частью закона, а не законом целиком (D.1.3.24).

Отметим, что в Дигестах разграничиваются два понятия: *ius* – право – и *lex* – закон. К сожалению, переводчики не всегда четко разделяют эти термины, что, на наш взгляд, искажает восприятие текста документа. В частности, фраза «*Legis virtus haec est imperare vetare permittere punire*» («Добродетель закона – повелевать, запрещать, разрешать, наказывать») в академическом издании (последнем переводе на русский язык) обозначает, что в этом состоит «действие (сила) права»¹, что некорректно. Недоумение вызывает и перевод отрывка «*Nulla iuris ratio aut aequitatis benignitas patitur, ut quae salubriter pro utilitate hominum introducuntur, ea nos duriore interpretatione contra ipsorum commodum producimus ad severitatem*» следующим образом: «Ни в каком случае смысл закона (*iuris ratio*) или милость справедливости не терпит, чтобы то, что введено для пользы людей, мы обращали путем жестокого толкования в строгость, идущую вразрез с благополучием людей»². Тогда как при замене словосочетания «смысл закона» на «сущность права» это высказывание Модестина становится понятным и может интерпретироваться как то, что закон не должен противоречить праву.

Итак, в Дигестах и Институциях Юстиниан не только приводит разные понимания слова «право», но и очень подробно останавливается на том, что является источником права, регулятором жизни людей, большее внимание уделяя законам: кто может их устанавливать, толковать, каким образом и что делать, если закона нет.

Еще одной составной частью *Corpus Juris Civilis* являются Новеллы – конституции Юстиниана с 535 г. В них появляются темы, отсутствующие в «классическом» римском праве, в частности закрепляется положение христианской церкви, статус церковнослужителей, изменения в положении рабов-христиан, статус монахов и монастырей и др. Влияние христианской церкви заметно и в появлении нового источника права – церковных правил – канонов. В предисловии к 137-й Новелле Юстиниан показал, что главное отличие законов от канонов состоит в том, что целью гражданских законов является общественная безопасность, церковные каноны установлены ради спасения души. Власть над законами вверена от Бога императору, наблюдение за соблюдением канонов вверено епископам³. При этом в 131-й Новелле Юстиниан указал, какие именно каноны должны обязательно приниматься во внимание и им не должны противоречить законы: «Предписываем, чтобы священные церковные каноны, изданные или подтвержденные четырьмя святыми соборами, а именно – Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским... имели ранг законов; ибо догматы [этих] соборов мы признаем наподобие святых писаний, а их каноны храним как законы»⁴.

Новеллы Юстиниана носили ситуативный характер: решая конкретную задачу, устанавливали общее предписание. Одновременно, на наш взгляд, они пытались примирить позитивное право и естественное, установленное Богом. «Бог установил царскую власть, чтобы она уравновешивала несогласия добром и издаваемые ею законы приспособляла к естественному разнообразию вещей»⁵, задача власти – «забота о том, чтобы жизнь подданных проходила во всяческой справедливости»⁶. В нескольких новеллах Юстиниан настаивал на том, чтобы все происходило по законам, кото-

¹ См.: D.1.3.7 // Дигесты Юстиниана. С. 108–109 (сравните латинский и русский тексты).

² D.1.3.25 // Там же. Т. 1. С. 112–113.

³ Nov. Just. 137. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Nov. Just. 131.1. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov131.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ См.: Nov. 73. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov73.htm> (дата обращения: 15.08.2023). См. также: Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 137.

⁶ См.: Nov. 149. The Roman Law Library (Last Update: January 25, 2015) (univ-grenoble-alpes.fr).

рые судьи должны знать, уметь применять и основывать судебное решение исключительно на них¹.

В связи с завоеванием Византией регионов, не охваченных действием римского права, в государстве выросло влияние обычного права. Этот фактор стал доминирующим в дальнейшей истории империи, когда, наоборот, Византия подвергалась завоеваниям, теряла свои территории, оставшиеся же регионы обособлялись, и такая децентрализация не могла не отразиться на правовой сфере. Не останавливаясь на перипетиях внутренней и внешней политики империи, вернемся к законодательству и проблеме понимания права в постюстиниановскую эпоху. Если в *Corpus Juris Civilis* содержалось определение того, что есть право и толкование этого определения, то в Эклоге – «Избранных законах... составленных в сокращении из... конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия» – оно отсутствует. Главное, на чем акцентируют внимание законодатели VIII в., – это справедливость, но они не приводят понятие справедливости, делая упор на религиозные и моральные представления о ней.

В частности, во введении к Эклоге говорится, что Бог дал людям закон, «который определил то, что следует делать, и то, чего следует избегать, а также и то, что надлежит избирать как содействующее спасению и чего нужно остерегаться как влекущего наказание»². Императоры Лев III (717–741) и Константин V (741–775) – авторы текста – «неусыпно» устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу, почитая более всего земного справедливость – представительницу небесного, являющуюся у служащего ей более острой по своей силе, чем всякий меч в борьбе с врагами, приказали «изложить именно в настоящей книге более ясным и более сжатым образом для лучшей обозримости, и познания силы этих благочестивых законов, и для более легкого и справедливого решения дел, и ради справедливого наказания преступления, и возвращения и исправления тех, кто расположен их совершать»³. С одной стороны, источник права – закон, который принимается императором, выполняющим волю Бога, с другой стороны, судебные дела должны решаться не только по закону, но и по справедливости. В предисловии к Эклоге императоры подчеркивали: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем, воздерживаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного [человека] и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству»⁴. Это представление о справедливости закона и о равенстве всех перед ним позволило исследователям говорить о гуманизации законодательства в эпоху иконоборчества и внесении в него христианских и более либеральных начал⁵. Что касается понятия «право», то его отсутствие в Эклоге можно объяснить как практической необходимостью появления документа, так и тем, что судьям, которым она предназначалась, важно было четкое пояснение решения той или иной ситуации, а не размышление об абстракциях⁶. В других сборниках, вышедших одновременно с Эклогой и являющихся по сути практическими руководствами для судей, также нет понятия «право».

В какой-то степени этот пробел ликвидируется в Эпанагоге (Исагоге) – законнике конца IX в., созданном комиссией во главе с патриархом Фотием (820–896) и опубликованном от лица императоров Василия, Льва и Александра⁷, который содержит наряду с правовыми нормами и основные принципы государственного права Византии (Восточной Римской империи). Самый первый титул называется «О законе

¹ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 138; Nov. 82. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov82.htm> (дата обращения: 15.08.2023); Nov. 113. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov113.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

² Эклога. С. 42.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 203–204.

⁶ По одной из версий, издание Эклоги было связано с проведением судебной реформы (Эклога. С. 25).

⁷ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. М., 2001. С. 176–177.

и праве» (Περὶ νόμου καὶ δικαιοσύνης). Титул небольшой, приведем его перевод целиком с терминами, на длительное время закрепившимися в византийских законодательных актах: «1. Закон (νόμος) есть общее предписание, решение благоразумных людей, исправление вольных и невольных проступков, общее согласие государства, а также божественное изобретение. 2. Законы (νόμους) должны приниматься на основе того, что происходит очень часто, а не на основе спорадических или разовых событий, законодатели не обращают внимания на то, что происходит один или два раза. 3. Добродетель закона (ἀρετὴ νόμου) – повелевать, запрещать, разрешать, наказывать. 4. Правосудие (δικαιοσύνη) есть устойчивое и постоянное намерение воздавать каждому свое право (δίκαιον). 5. Та же справедливость (δικαιοσύνης) – честно жить и воздавать каждому свое. 6. Мудрость права (δικαιοσύνης) – разглядеть божественные и людские дела, справедливое и несправедливое»¹. Итак, на первый взгляд, в Исагоге (Эпанагоге) повторяются положения Дигест (и Институций) Юстиниана, но вместо слов «право» и «справедливость» употребляются слова «закон» и «справедливость». Принимая во внимание, что закон воспринимался и рассматривался как источник права, осмелимся предположить, что в данном контексте под словом «закон» (νόμος) имеется в виду позитивное право, а представления о праве вмещаются в приведенном понятии «справедливость» (δικαιοσύνης).

Это предположение, на наш взгляд, подтверждается в следующих титулах Исагоги (Эпанагоги), в которых контроль над законодательством (и позитивным правом вообще) закрепляется за императором. В частности, в титуле «О василевсе» говорится, что «1) Василевс есть законная (ἐννομος) власть, общее благо всех подданных... 4) Полагается василевсу защищать и сохранять, прежде всего, все, что написано в Священном Писании, затем все, постановленное семью Вселенскими соборами, и все употребляемые римские законы... 6) Василевсу нужно толковать старые законоположения и решать дела по аналогии, а не принимать новый закон. 7) Нужно заботиться об изложении законов и обычаев государства. Так как вводимое, к примеру, должно соответствовать канонам. 8) Василевсу нужно излагать законы человеколюбиво, чтобы доброе толкование убедило сомневающихся. 9) Не нужно изменять ясное толкование. 10) Чтобы написать закон, нужно смотреть на обычаи, если их нет, нужно следовать по аналогии. 11) Как принятие закона осуществляется писанным или неписанным образом, так и его отмена может быть письменной или нет, просто путем неиспользования. 12) Мы используем обычай города или провинции только в том случае, если он был подтвержден в суде после обсуждения. Нормы, проверенные давним обычаем и сохраняемые в течение многих лет, имеют меньшую ценность, чем писанные законы»². Таким образом, согласно Исагоге, главное для василевса – самому быть благочестивым, заботиться о благополучии подданных, принимая для этого законы, согласованные с канонами и обычаями. По сути император осуществляет законодательную власть, выявляет необходимость появления того или иного закона, ему даны рекомендации по толкованию законов и даже принципам их составления.

Подобно тому, как царю принадлежит толкование действующих норм права, патриарху, и только ему, принадлежит истолкование правил, установленных святыми отцами и святыми соборами. Исагога, в главах 6 и 7 титула III, устанавливает детальные правила относительно этого. Главная задача патриарха – следить, чтобы соблюдались древние каноны и обычаи, а схожие дела решались по аналогии с ними. Таким образом, василевс заботится о том, чтобы законы соответствовали церковным канонам, а за точным исполнением самих правил наблюдает патриарх. Поскольку «государство из частиц и частей подобно человеку состоит, величайшие и необходимейшие части – василевс и патриарх. Поэтому, если и душа, и тело друг друга слушают, мир и процветание царства и священства будет во всем согласии и гармонии (συμφωνία)»³. Таким образом, провозглашенный еще Юстинианом принцип симфонии властей, гармоничного взаимодействия светской и церковной власти проник в позитивное право: законы и каноны взаимосвязаны.

¹ Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. S. 65; La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio. Signes Codoñer Juan; Andrés Santos Francisco Javier. Published by CSIC. Madrid, 2007. P. 287.

² La introducción al Derecho... P. 288–290; Collectio librorum... S. 65–67.

³ Collectio librorum... S. 67–68; La introducción al Derecho... P. 292.

В последней официальной систематизации законов Восточной Римской империи, проведенной при Льве VI в конце IX – начале X в., – Василиках («Τὰ βασιλικά ξ' βιβλία», «τὰ βασιλικά νόμιμα» – «Императорские 60 книг», «Императорские законы») – первый титул книги II назван «Περὶ δικαιοσύνης καὶ νόμου καὶ μακρᾶς συνηθείας» («О праве, законе и давних обычаях»). Это название можно перевести «О справедливости, праве и давних обычаях» – вернее и точнее, так как в начале титула приводится переведенная на греческий, хотя и не дословная цитата Ульпиана из Дигест: «Ὁ νόμος ἀπὸ τῆς δικαιοσύνης ὠνόμασται, ἐστὶ γὰρ νόμος τέχνη τοῦ καλοῦ καὶ τοῦ ἰσοῦ» («„Право“ от слова „справедливость“ произошло, ибо право есть орудие ее и добра»)¹. Здесь *ius* = *νόμος* = право. Одновременно мы видим, что греческое слово «νόμος», обозначавшее ранее исключительно закон, принимает новое значение – право, а именно позитивное право, т. е. то, чьи нормы применяются на практике. Учитывая, что приведенная цитата буквально повторяется в Алфавитной синтагме Матфея Властаря в XIV в., такое понимание позитивного права прижилось в византийском обществе.

Далее в первом титуле книги II Василик перечислены источники права. Отчасти они совпадают с теми, которые назвал Юстиниан в Дигестах, включая *νόμοι* – законы (лат. *leges*), правилам издания которых уделено большое внимание². Несмотря на то, что за основу титула взят текст Дигест Юстиниана с цитатами известных древних юристов о составлении законов, издатель «Царских книг» учитывает современные реалии. Так, если раньше обычай при применении на практике ставился в один ряд с законом, то сейчас «обычай вместо закона используется, если нет письменного закона»³. Но то, что обычай (*συνήθεια*), особенно давний (*μάκρᾶ*), остается важным источником права, несомненно⁴.

Как отмечалось, Юстиниан Великий в октябре 530 г. заявил, что божественные каноны имеют силу неменьшую, чем законы, и в 131-й Новелле от 545 г. предписал церковные каноны Никейского (325 г.), Константинопольского (381 г.), Эфесского (431 г.) и Халкидонского (451 г.) соборов хранить как законы⁵. Лев VI в Василиках не только повторил эту норму, но и расширил ее действие до II Никейского собора 787 г.⁶ Предполагая, что между этими правилами и светскими законами может возникнуть противоречие, в одной из своих Новелл, изданных после появления Василик, император разграничил сферу действия гражданского и церковного законодательства, постановив, что в гражданских делах преимущество имеет первое, а в церковных – второе⁷.

Уже в XIV в. Матфей Властарь (1280–1350) – иеромонах, знаток светского и церковного права, составитель «Собрания по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах» (Алфавитной синтагмы)⁸, – обобщая главу о канонах, сделал вывод: «Необходимо (признать), что каноны имеют силу больше законов: ибо законы составлены одними царями и последующими подтверждены, а каноны написаны и утверждены святыми отцами по воле, усердию и суду тогдашних царей; впрочем, и благочестивые законы придают большое значение божественным правилам, частью соглашаясь с ними, частью восполняя то, что в них опущено»⁹.

Завершая рассмотрение вопроса о понимании права в византийском законодательстве VI–X вв., следует упомянуть новеллу Константина Багрянородного, датированную

¹ B.II.1.1 // *Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII* / ed. by H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen: J. B. Wolters; Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1955. S. 15.

² B.II.1.13–41 // *Ibid.* S. 17–19.

³ B.II.1.42 // *Ibid.* S. 19.

⁴ B.II.1.42–52 // *Ibid.* S. 19–20.

⁵ Nov. Just. 131.1. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov131.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

⁶ B.V.3.2 // *Basilicorum libri LX. Series a volumen I...* S. 141.

⁷ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 215; Nov. 7 // *The new constitutions of the emperor Leo* / transl. by Samuel P. Scott. Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (дата обращения: 15.08.2023).

⁸ Подробнее см.: Костогрызова Л. Ю. Алфавитная синтагма Матфея Властаря как источник познания византийского права // *Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования: материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г.* Екатеринбург: Российский гуманитарный научный фонд; Уральская государственная юридическая академия, 2013. С. 239–245.

⁹ *Властарь Матфей*. Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором): 1996. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar06.html#k5 (дата обращения: 15.08.2023).

мую 947 г.¹, в которой называется закон (*νόμος*) как проявление положительного права (*δῶμα κοινόν* – общего учения) и право естественное (*φύσει δίκαιον*), не менее обязательное для всех слоев населения (и бедных, и знатных).

Очевидно, что понимание права у ромеев происходило в двух плоскостях: позитивное, точнее, материальное, источниками которого являются законы, давние обычаи, каноны, и нематериальное (естественное), ассоциировавшееся со справедливостью, оно бытовало вплоть до падения Восточной Римской империи. Так, в уже упомянутой синтагме Матфея Властаря XIV в., под правом (название титула – «*περὶ δικαιοσύνης*», в русском переводе XIX в. – «О правде») понимается «твердая и постоянная воля, воздающая каждому свое – справедливое. Свойства правды: честно жить, другому не вредить, воздавать каждому свое. Мудрость правды заключается в познании вещей божеских и человеческих, справедливого и несправедливого»². Наверное, это слово точнее всего отражает представления византийцев о праве, понимание ими права: **правда = справедливость = право**. Что касается того, что понимается под законом, то в особом титуле Алфавитной синтагмы «О законах» («*περὶ νόμου*») речь идет о действующих правовых актах: «Закон есть общее повеление, мудрых мужей установление, вольных и невольных грехов исправление или пресечение, общее уложение города; он есть также божественное изобретение. Благоедеяние закона – в том, что он повелевает, запрещает, дозволяет и наказывает»³.

Таким образом, в законодательстве Восточной Римской империи зафиксировано четкое представление о том, что такое право, что такое закон. Причем под термином «*νομός*» понимался не один нормативный правовой акт, а несколько: от конституций императоров до обычаев, что позволяет сделать вывод о том, что термином «*νομός*» византийцы обозначали так называемое позитивное право, а термином «*δικαιοσύνη*» (справедливость) – право в целом, т. е. естественное право. Законодательные полномочия вверены императору, как и контроль над тем, чтобы законы соответствовали канонам, за неизменяемостью и верным толкованием которых, в свою очередь, следит патриарх. Вплоть до падения Константинополя во всех законодательных сводах подчеркивалась необходимость соответствия закона праву, необходимость того, чтобы законы (и в целом нормы позитивного права) были справедливыми. Учитывая, что термин «справедливость» совпадал с термином «право», можно утверждать, что позитивное право в Византии по возможности должно было совпадать с естественным.

Список литературы

Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 535 с.

Властарь Матфей. Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором): 1996. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar00.html (дата обращения: 15.08.2023).

Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов: в 8 т. Т. I. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. 583 с.

Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. 400 с.

Коптев А. В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // Древнее право. 1996. № 1. С. 247–261.

Костогрызова Л. Ю. Алфавитная синтагма Матфея Властаря как источник познания византийского права // Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования: материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г. Екатеринбург: Российский гуманитарный научный фонд; Уральская государственная юридическая академия, 2013. 282 с. С. 239–245.

Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4 (10). С. 7–21.

Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 81–99.

¹ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 215.

² Властарь Матфей. Указ. соч. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar04.html#d8 (дата обращения: 15.08.2023).

³ *Συντάγμα των θείων καὶ ἱερῶν κανόνων των τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ των ἱερῶν οἰκουμηνικῶν καὶ τοπικῶν συνοδῶν, καὶ των κατα μέρος ἁγίων πατέρων υπο Γ. Α. Ραλλη καὶ Μ. Ποτλη. Τομος Ἐκτος, περιέχων το στοιχειον του Σύνταγμα του Βλαστάρεως, καὶ γενικόν ἀωαλυτικόν πίνακα. Ἐν Αθήναις, 1859. Σ. 401.*

- Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетея, 2001. 576 с.
- Сильвестрова Е. В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. М.: Индрик, 2007. 246 с.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.
- Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII / ed. by H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen: J. B. Wolters; Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1955. 438 s.
- Codex Justinianus, recensuit P. Krueger. Berolini: apud Weidmannos, 1877. 1279 s. URL: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).
- Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. 235 s.
- Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (дата обращения: 15.08.2023).
- La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio. Signes Codoñer Juan; Andrés Santos Francisco Javier. Published by CSIC. Madrid, 2007. 571 p.
- The new constitutions of the emperor Leo / transl. by Samuel P. Scott. Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (дата обращения: 15.08.2023).
- Συντάγμα των θείων καὶ ἱερῶν κανόνων των τε ἀγίων καὶ πανευφήμεων ἀποστόλων, καὶ των ἱερῶν οἰκουμεικῶν καὶ τοπικῶν συνοδῶν, καὶ των κατα μέρος ἀγίων πατερῶν υπο Γ. Α. Ραλλη καὶ Μ. Ποτλη. Τομος Ἐκτος, περιέχων το στοιχεῖον του Σύνταγμα του Βλαστάρεως, καὶ γενικόν αἰωλυτικὸν πίνακα. Ἐν Αθήναις, 1859. 620 σ.

References

- Vlastar' Matfei (1892). *Alfavitnaya sintagma Matfeya Vlastarya* [The Alphabetic syntagma of Matthew Vlastar], ed. by N. Il'inskii. Moscow, available at: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar00.html (accessed: 20.12.2023).
- Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus*, available at: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (accessed: 20.12.2023).
- Kofanov L. L. (Ed.) (2002) *Digesty Yustiniana: v 8 t.* [Justinian's Digest: in 8 vol.]. Moscow, Statut, vol. I, books I–IV, 583 p.
- Kofanov L. L., Tomsinov V. A. (Ed.) (1998) *Institutsii Yustiniana* [Justinian's Institutes]. Moscow, Zertsalo, 400 p.
- Koptev A. V. (1996) Kodifikatsiya Feodosiya II i ee predposylki [The Codification of Theodosius II and its prerequisites]. In *Drevnee pravo*. Moscow, Spark, 1996, no. 1, pp. 247–261.
- Kostogryzova L. Yu. (2013) Alfavitnaya sintagma Matfeya Vlastarya kak istochnik poznaniya vizantijskogo prava [The Alphabetic Syntagma of Matthew Vlastar as a source of knowledge of Byzantine law]. In *Istochniki prava i istochniki poznaniya prava: teoreticheskie, metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniya: materialy kruglogo stola. 21–22 iyunya 2013 g.* Yekaterinburg, Rossijskij gumanitarnyj nauchnyj fond, Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, pp. 239–245.
- Kostogryzova L. Yu. (2010) «Ochislenie drevnikh zakonov» v Vizantii: «Vasiliki» [The «Purification of ancient laws» in Byzantium: «Basilics»]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 4 (10), pp. 7–21.
- Kostogryzov P. I. (2017) Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy [Legal anthropology in search of a paradigm]. In *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, no. 4, pp. 81–99.
- Krueger P. (Ed.) (1877) *Codex Justinianus*. Berolini: apud Weidmannos, 1279 p., available at: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (accessed: 20.12.2023).
- Lipshits E. E. (Ed.) (1965) *Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka* [Ecloga. The Byzantine Legislative Code of the VIII century]. Moscow, Nauka, 226 p.
- Medvedev I. P. (2001) *Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii* [The legal culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aleteia, 576 p.
- Scheltema H. J., Van der Wal N. (Ed.) (1955) *Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII*. Groningen, J. B. Wolters, Gravenhage, Martinus Nijhoff, 438 p.
- Signes Codoñer Juan, Andrés Santos, Francisco Javier (Ed.) (2007) *La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio*. Madrid, Published by CSIC, 571 p.
- Sil'vestrova E. V. (2007) *Lex generalis. Imperatorskaya konstitutsiya v sisteme istochnikov greko-romskogo prava V–X vv. n. eh.* [Lex generalis. The Imperial Constitution in the system of sources of Greco-Roman law of the 5th – 10th centuries AD]. Moscow, Indrik, 246 p.
- The new constitutions of the emperor Leo*, transl. by Samuel P. Scott, Cincinnati, 1932, available at: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (accessed: 20.12.2023).

Ραλλη Γ. Α. και Ποτλη Μ. (Ed.) (1859) *Σύνταγμα των θείων και ιερών κανόνων των τε αγίων και πανευφήμων αποστολών, και των ιερών οίκουμηνικών και τοπικών συνοδών, και των κατά μέρος αγίων πατέρων. Τομος Εκτος, περιέχων το στοιχείον του Σύνταγμα του Βλασάρεως, και γενικόν αβαλυτικόν πίνακα.* εν Αθήναις, 620 ς.

Val'denberg V. E. (Ed.) (2008) *Istoriya vizantijskoj politicheskoy literatury v svyazi s istoriej filosofskikh techenij i zakonodatel'stva* [The history of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical trends and legislation]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 535 p.

Zachariae a Lingenthal C. E. (Ed.) (1852). *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri.* Lipsiae, 235 p.